

ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ А. ГРАМШИ В ФИЛОСОФИИ НЕОМАРКСИЗМА

Г. А. Личевский

Ilichevsky536@gmail.com;

Научный руководитель – И. Н. Сидоренко, доктор философских наук, профессор

В настоящем исследовании автор обращается к идейному наследию А. Грамши как основоположника неомарксистской парадигмы XX века. Исходя из фундаментального характера идей итальянского мыслителя, на разных этапах эволюции социально–политической теории получающих новое содержательное выражение, прослеживаются основные пути рецепции «теории гегемонии» А. Грамши в контексте реалий «общества «зрелого капитализма», обосновывается их значимость в современности.

Ключевые слова: гегемония; идеология; культура; неомарксизм; капитализм.

Получив становление в атмосфере идейного кризиса классического марксизма, обнаруживаемого в прецедентах безуспешности европейских революций начала XX века (Германия, Италия), социально–философская теория А. Грамши ознаменовала разработку принципиально отличной от воззрений К. Маркса концепции общественного реформизма. Основания этому обнаруживаются как в альтернативной трактовке историко–материалистической парадигмы, так и в отходе итальянского мыслителя от абсолютизации класса пролетариев как авангарда и первичного агента революции.

Так, А. Грамши акцентирует роль интеллектуальной практики в обществе, а равно группы тех, кто ее осуществляет – интеллектуалов, каждый из которых, будучи непосредственно вовлечен в культурную сферу, имплицитно обнаруживает способность к трансляции конструктивной политической повестки. Однако, ввиду неэлиминируемого конфликта между государством, в большей степени заинтересованном в сохранении статус–кво, и интеллектуалами, единственным релевантным источником социального развития мыслителем признается стратегия последовательной экстраполяции конгруэнтных задаче в построении общества «снятого противоречия» идей и взглядов – гегемонии.

Таким образом, приоритетным в аспекте социально–политической борьбы А. Грамши признается, во–первых, синтез революционной теории и практики как тождества идеального и материального в мышлении, в то время как источником общественных противоречий выступает культура в ее объективированно–идеологической форме [1, 2].

Как итог, отход итальянского мыслителя от диалектического понимания сущности общественного развития в пользу субстанциально–идеологического выступил важнейшей предпосылкой для развития неомарксистской теории в реалиях общества «зрелого капитализма» второй половины XX века, коррелирующим с масштабным распространением институтов представительной демократии.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть основные подходы к рецепции теории гегемонии в трудах Г. Дебора, Ю. Хабермаса и, на этапе перехода неомарксизма в пост–, Э. Лакло и Ш. Муфф.

Определяющим в контексте воззрений Г. Дебора выступает концепт «спектакля» как симулятивной панорамы капиталистического общества, выражающей эфемерность любых попыток к достижению социальной эмансипации. Невзирая на перспективу, казалось бы, непосредственного участия в политической коммуникации, актер индустриального общества – всецело ангажированный фетишизированной реальностью субъект – на практике выявляет иллюзорный характер собственных притязаний на возвращение отчужденной самости. В этом случае деструктивные констелляции «глобального капитализма» обретают трансцендентальное выражение, инспирируя эскалацию конфликта между подлинным «Я» индивида и его эрзац–образом в социальной оптике. На этом основании Г. Дебор, вслед за А. Грамши развивая идею культурной революции, апеллирует к перспективе перформативного самовыражения прогрессивных социальных групп – молодежи и маргиналов, тем самым обосновывая установку на проект «социального воображения» в революционной практике [3].

Несмотря на то, что идеи Г. Дебора довольно быстро оказались дискредитированы ввиду их чрезмерно радикального характера, концепты, обоснованные мыслителем, представили собой вполне адекватную попытку примирить неомарксистский пафос с практической деятельностью, в чем обнаруживается прогностический характер теории А. Грамши.

Концептуально отличную от воззрений Г. Дебора, но сходную в призме эмансипаторских установок концепцию «коммуникативной рациональности» предложил Ю. Хабермас, видный представитель 2–го поколения Франкфуртской школы. Следует отметить, что эта теория охватывает широкий спектр как социологических, так и философских идей, важнейшими из которых в рамках предложенной мыслителем парадигмы выступают морально–этические презумпции И. Канта, феноменология позднего Э. Гуссерля и политическая теория Х. Арендт. Так, помещая в основание социальной диспозиции стремление к интересубъективному пониманию, Ю. Хабермас позитивно оценивает насущные перспективы гармонизации общественной среды как компромисс между рациональными субъектами,

сознание каждого из которых «открыто» Другому. Вследствие этого, проблематичным представляется говорить о существовании объективных противоречий на пути взаимопонимания, важнейшим условием следования которому выступает свободный характер волеизъявления конкретной социальной группы в рамках речевого дискурса [4].

Таким образом, теория «коммуникативной рациональности» отсылает к перспективе солидаризации гетерогенных социальных групп на основании самовыражения, что позволяет говорить о наличии непреходящей связи между идеями Ю. Хабермаса и творческим наследием А. Грамши. Тем не менее, ввиду радикальной трансформации европейского общества в конце XX – начале XXI вв., идеи немецкого мыслителя подтвердили свой незавершенный характер в ракурсе актуального кризиса демократических движений, что, как следствие, результировало в оформлении постмарксистской доктрины Э. Лакло и Ш. Муфф, представляющейся квинтэссенциальным воплощением «теории гегемонии».

Краеугольным камнем воззрений вышеупомянутых авторов выступает, во-первых, отказ от понимания роли социального субъекта как виктимной, а во-вторых, постулирование имманентного характера власти, «распыленной» в обществе. Таким образом, критике подвергаются не только изыскания К. Маркса в плоскости классовой борьбы, но и доводы сторонников агрегативной демократии в лице практически всех либеральных теоретиков XX века о существовании прямой пропорции между единицей власти конкретного индивида и политическим режимом.

На этом фоне Э. Лакло и Ш. Муфф, методологически опираясь на идеи А. Грамши, предпринимают дифференциацию социального пространства на ареалы «политического», в сущности, выступающего базисом гражданского общества вкупе с возникающими в нем противоречиями, и «политических объединений» как активных социальных групп, условием кооперации которых выступает примирение исходного плюрализма ценностей [5]. В итоге, несоответствующие реалиям постиндустриального общества тезисы об антагонизме в отношениях хозяйствования уступают место вполне конструктивному противостоянию убеждений, тогда как его закономерным исходом предстает оформление конкретно-исторической практики, удовлетворяющей интересам большинства.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что «теория гегемонии» А. Грамши оказала крайне значимое влияние на философию неомарксизма XX века, что подтверждается фундаментальным характером ее постулатов: транспозиции с абстрактно-исторического на конкретно-практической модус социальной практики, а также акцентуации роли идеологии в обществе. Обретая на каждом из этапов эволюции неомарксизма новое теоретическое содержание, но сохраняя заданную

А. Грамши форму, концепт «гегемонии» подтверждает свою неоспоримую адекватность реалиям XXI века, свидетельством чему выступает пролонгация идей итальянского мыслителя в рамках постмарксистской парадигмы.

Библиографические ссылки

1. *Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. На путях исторического марксизма/ Пер. с англ. М: Common place, 2016 – 350 с.
2. *Грамши, А.* Тюремные тетради.: в 3 т. М.: Политиздат, 1991. Т.1. 560 с.
3. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: АСТ. 2022. 256 с.
4. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.
5. *Laclaut, E; Mouffe C.* Hegemony and Socialist strategy. London: Verso, 2001. 240 p.